

ЛЕВ ЧЕРНЫЙ

Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм

<Фрагмент>

Книга II. Практическая социометрия

Отдел II. Идеология

Часть II. Политический строй

Анархия

ГЛАВА IX. Возможна ли анархия?

а) Для анархии нужна необыкновенная инициатива.

«Не будем спорить о том, хороша или плоха анархия. Она, пожалуй, является идеалом. Но для осуществления ее люди должны быть страшно подвижны, обладать громадной инициативой, иначе идеал ее невыполним. А где среди нас такая инициатива?

Мы выросли среди опеки, под крылышком всемогущей власти, которая нас цивилизует, образует, кормит и поит»...

Так возражают против анархии демократы.

Верно ли их возражение?

Что для анархии нужна инициатива — это истина, но для анархии не нужно будет большей инициативы, чем для демократии.

Где возможна демократия, там возможна и анархия.

Чтобы осуществилась демократия, нужно, чтобы большинство поняло выгоды образования, цивилизации, вред налогового бремени...

И раз население в массе достигло такого уровня развития, то возможна и анархия.

Меньшинство, видя выгоды мероприятий большинства, быстро последует их примеру.

Народ, даже у нас в России, и то уже достиг должной инициативы, как показывают хлопоты крестьян о школах и врачебной помощи.

* * *

б) Люди — эгоисты, а потому анархия невозможна.

«Положим, что люди и будут обладать необходимой инициативой, но одной инициативы недостаточно для осуществления анархии; необходимо еще, чтобы люди были справедливы, а между тем люди представляют из себя “эгоистический сброд”.

Это — истина. Эта истина доказана современной политической экономией. Наша наука учит, что человек эгоист, и тем самым обрекает на гибель всякие утопии, кладущие в свои основания иной принцип, чем эгоизм».

Ответим.

Люди, произносящие такую тираду тираду, совершенно незнакомы с историей и ее законами.

История нас учит, что характеры людей не выкованы из стали, что они не неизменны, что в мире уже раз царила справедливость, что причина изменения характеров лежит вне индивида — во внешней среде...

История нас учит, что там, где царит экономическая самостоятельность, там люди честны, справедливы и не знают, что такое эгоизм, что такое погоня за копейкой.

А потому там ваши законы политической экономии не писаны.

Ваша политическая экономия — полуистина. Она построена на метафизической точке зрения, т. е. выведена не из наблюдения над текущими хозяйственными эпохами, а над одной, современной нам, эпохой.

Истина же должна быть построена на диалектике, на развитии, как мы уже говорили в нашей исторической работе.

Что же вытекает из всего сказанного? А то, что эгоизм людей необязателен, что при известных условиях мыслим строй, который будет развивать чувства справедливости, будет зиждиться на этой добродетели.

* * *

в) В начале анархии люди будут эгоисты.

«Трудно ожидать, что на следующий день после победы всё население усвоит внезапно иное мировоззрение, чем то, которое оно питало до тех пор».

Так Бернштейн нападает на анархистов.

Не торопитесь, г. Бернштейн!

Вы забываете, что теперь нам предстоит социально-революционный переворот... а при таком перевороте мораль куется раньше

наступления нового строя, так что в новый строй мы вступим уже с подготовленной психологией, с психологией «справедливости», а не «эгоистическим сбродом».

* * *

d) Без вообще власти общество немислимо.

Соловьев: «Между социалистическими (?) учениями есть и такое, которое прямо отвергает **требования общественного порядка** и возводит анархию в принцип. Согласно этому принципу, все человеческое общество должно состоять из множества **мелких**, совершенно самостоятельных и самоуправляющихся хозяйственных общин.

Но если думают устранить этим необходимость политических начал, то это есть недоразумение. Во-первых, каждая отдельная община должна же быть **организована**, т. е. должно же быть в ней разделение общественных занятий, а если разделение занятий, то и прав, то и власти. Затем, что касается возможных отношений между общинами, то здесь возможно одно из двух: или они **урегулированы** или нет. В первом случае закон предполагает **некоторую** власть, и, следовательно, общины не будут безусловно автономны, но составят хотя бы государство.

Во втором случае может быть анархия: война всех против всех»*.

Соловьев в своей критике смешивает **организацию и власть** и, кроме того, приписывает анархистам требование каких-то мелких общин, о чем они ничего не говорят.

Смешивать **власть и организацию** недопустимо.

Организация и власть — не тождественные понятия.

Организация, как мы уже знаем, может выливаться в три формы, сообразно трем типам соединений людей: в властную, рабскую и **свободную или договорную**.

Мы, анархисты, признаем договорную организацию, а потому урегулирование отношений может обойтись без «некоторой власти». А раз может обойтись, то мыслимо общество свободное и автономное.

Что же касается мелких общин, то они просто плод фантазии философа.

* «Критика отвлеч. начал», 197 стр.

Мы требуем не мелких общин, а обассоциирования индивидов на **однородности потребностей**, целей, взглядов... А потому ни между индивидами одной ассоциации, ни между индивидами разных ассоциаций не может быть столкновений. У однородных — одинаковые цели, у разнородных — разные, но не сталкивающиеся.

* * *

е) Нужна ли властная рука.

«Ну, ладно! — скажет читатель, — люди вступят в новый строй с новой психологией: допустим, что мыслимы общества без власти; но как же, все-таки, можно обойтись без государства в конкретной жизни?»

Положим, что мы все справедливы, но разве справедливости достаточно для правильного функционирования жизни?

Посмотрите: всюду интересы индивидов сталкиваются, **и если бы не власть**, то мы давно перерезали бы друг друга. То же будет без власти и у вас, так как ваши ассоциации произведут в жизни только хаос, беспорядок.

На этом основании я вас считаю все-таки утопистом. Без власти ничто немыслимо. Это бальзам для наших ран».

Да здравствуют цезари!

Ту же песнь поет и Чичерин*:

«Если человек, в силу прирожденной ему свободы, остается судьей решений общественной власти и может не повиноваться им, как скоро находит их несправедливыми или невыгодными для себя, то общественный порядок становится невозможным...

Правильное общежитие возможно только там, где лицо **отказывается** от естественной свободы, где оно перестает быть судьей своих нрав и своих интересов и повинуется решениям общественной власти, хотя бы считало их для себя невыгодными или несправедливыми. **Это понял Руссо, который заменил учение о прирожденных правах человека теорией народовластия».**

Разберем сторонников власти и порядка.

Всесильна ли власть? Обладает ли она логической силой связать даже несвязываемое? Нужна ли она?

На вопрос, нужна ли власть для поддержания порядка, имеет ли она силу создавать порядок, ответ может дать только история.

* Чичерин, «Народ. представит.», стр. 34, 35.

Что же она нам говорит?

Она говорит, что власть — бессильна. Бессилие ее видно в переходные, переломные эпохи, когда народ, возмущенный порядками, стесняющими его свободу, поработавшими его душу, восставал и сбрасывал ненавистное иго.

Власть оказывалась бессильной каждый раз, когда сознание народа пробуждалось.

Что же это значит? Какой вывод можно отсюда сделать?

А только тот, что не власть, не тюрьма, не штыки держат в обществе порядок, а **правосознание народа**.

Когда в массе распространено известное миросозерцание, ею одобряемое, то никакой власти не нужно, и строй существует и движется планомерно.

Власть делается нужной, когда класс бросается на класс, когда правосознание народа изменяется.

Тогда происходит конфликт между классами: протестантов душит власть, — власть, ведь, не нейтральна, она принадлежит отживающему классу.

Однако, травля долго не может продолжаться; в конце концов, усилия слабеют, слабеют... и народ напором могучей груди стирает все выставленные препоны.

Власть гибнет, сыграв лишь незавидную роль тормозильщика всего честного и хорошего.

Итак, что же мы видим?

Мы видим, что там, где правосознание прочно, там власть не нужна; там же, где правосознание изменяется, она бессильна.

А потому, на что же власть нужна? — Ни на что.

Этого никак не могут понять социалисты, которые, хотя и говорят о добродетели, но в душе верят лишь в полицию, участок и нагайку.

* * *

В будущем, где правосознание будет прочно, власти нечего делать. Она только может вызвать сумятицу и резню, так как свободные индивиды не попустят посягательства на свое «я». Правосознание, как вы уже знаете, не падает с неба. Оно определяется способами производства. Раз способы производства устойчивы, не дают материала для создания классов (а наш таков), то правосознание делается прочнее и прочнее вследствие наследственной передачи. Наш строй будет развивать правосознание: «не вреди»,

которое все более и более будет крепчать, а потому власти нельзя будет подняться даже на роль тормозильщика. Я чувствую, что вы на половину убедились. Но чтобы сделать для вас картину еще более наглядной, позволю себе привести вам несколько примеров.

Возьмемте с вами группу лиц, желающих удовлетворять свои религиозные потребности. Я хочу, вы хотите, они хотят. Сходимся мы и на пасторе, которого нам хотелось бы слушать. Неужели вы думаете, что для того, чтобы удовлетворить эту потребность, нам нужна властная рука, которая взяла бы нас за шиворот и соединила вместе? Мы можем здесь обойтись совершенно без власти. Я вижу, что вы хотите слушать пастора, я тоже — и вот мы без всякою цезаря соединимся, договоримся и будем слушать пастора. Словом, власть мы заменим договором. Тут тоже не будет хаоса, ибо договор, как власть и как подчинение — известный тип комбинирования своих сил. Силы можно комбинировать договором и силы можно комбинировать притаскиванием друг друга за шиворот, т. е. властью.

Не знаю, какой из этих двух способов соединения практичнее. Как мы обошлись без власти при удовлетворении своих религиозных потребностей, так мы сумеем обойтись без нее и при удовлетворении других потребностей. Если вы немного подумаете, то сами в этом убедитесь. Имейте в виду, что ассоциации наши будут основываться на принципе «не вреди», а потому ничьих интересов затрагивать не будут.

* * *

Для иллюстрации влияния режима свободы на отношения между людьми позволю себе привести пример из религиозной жизни Германии XVI столетия. Царство насилия в религиозной сфере постоянно вызывало кровопролитные войны. XVI век кипит религиозными революциями. Самая грубая власть бессильна была что-либо сделать. Кровь человеческая лилась потоками. Но вот издаются акты о веротерпимости — и резня сразу пропадает; никому теперь не приходит в голову бросаться и резать друг друга. Если мы уничтожим гнет и насилие власти во всех политических вопросах — крови больше мы не увидим.

* * *

На этом можно было бы кончить анализ анархии. Но найдутся, вероятно, такие материалисты», которые верят только кулаку,

по мнению которых: дай индивиду свободу, и он займется мордобитием, — и для них у нас есть реальная загвоздка. Анархисты — не рабы, не христиане. Сесть себе на шею они не позволят. И те молодцы, которые вздумают нарушать «не вреди», жестоко расплатятся. Современная борьба анархистов со всякой тиранией это наглядно показывает. И будущий анархический строй будет иметь мужественных защитников в членах боевых дружин. Добровольно составленные боевые дружины — это самый лучший оплот народа против всякой тирании и государственных переворотов.

Всякий узурпатор встретит в ассоциациях мужественные груди. Все тираны боятся самостоятельности ассоциаций и стремятся всеми силами подавить их — в них они чувят свою смерть... Наши ассоциации дадут нам лучшую защиту, поддержат анархический порядок стройнее, чем целые легионы подкупленных жандармов и полицейских. Вам нужны исторические примеры силы ассоциаций? Вспомните швейцарцев, давших мужественный отпор австрийцам¹. А кем Россия спасена от поляков и от Наполеона? Не добровольными ли дружинами?

* * *

«Так-то так, — скажете вы, — пожалуй, без власти, которая бы тащила туда, куда не хочется идти, и не пускала бы, куда хочется, обойтись можно, но вот без судебной власти — никак. Подумайте сами над этим. Я могу себе еще представить, что свои экономические, религиозные и политические дела мы сумеем решить сами без власти. Но, ведь, в обществе будут воры, преступники... Как с ними быть? Я согласен с вами, что отнять у власти — будь то цезарь или гидра — право распоряжаться нашей кровью (т. е. право объявления войны без меня), отнять право собирать налоги на то, что эта власть захочет с ними сделать, отнять право навязывать нам образование и т. д. — прямо-таки необходимо; но я не могу представить себе, как можно обойтись без судебной власти; по моему мнению, воры перевешают нас всех тогда в несколько ночей». Попробую и на это вам ответить. Задумывались ли вы, дорогой читатель, над тем, отчего бывают преступления? Я думаю, что да.

Если да, то вы, конечно, знаете, что преступления, особенно убийство — новое явление, что преступления не всегда были. Если да, то от чего же они происходят? Они происходят от разорения,

нужды, голода, которые являются результатом индивидуальной борьбы за существование и эксплуатации одних другими. Если эти причины уничтожаются, то уничтожается и их следствие — воровство. А будущий анархизм в корень подрывает бедность. Он дает каждому орудие труда, дает каждому возможность легко зарабатывать — и никто воровать не станет. Охотничьему периоду, по своим отношениям представляющему слабый прототип будущего, почти неизвестны преступления. В доказательство этого сошлюсь опять на свою работу, где приведено наблюдение священника Вениаминова над алеутами. По словам Вениаминова, в течение 40 лет, которые он прожил на Аляске, не было ни одного преступления.

Итак, в будущем, отправителям на эшафот, т. е. судьям, не будет работы — и им придется покинуть свое гнусное ремесло. «Но все-таки, — скажете вы мне, — в будущем могут быть мелкие ссоры, которые потребуют если не судей, то хоть мировых посредников». Мелкие ссоры, конечно, могут быть; но причем тут посредники? Вмешиваться в нашу ссору, давать копать в грязи праздным любителям — мы не можем позволить. Свои дела мы сами будем ведать. В своих делах мы сами будем судьями, сохраним за собою всю судебную власть. Если мы с кем поссоримся, то сами сумеем и разобрать свою ссору. Разобрать мы ее можем посредством переговоров с противником, как это бывает при дуэлях. Такую форму суда мы уже и теперь встречаем среди товарищей. Мы стоим за то, чтобы индивид вырвал из когтей общества свою судебную власть, как он вырвал уже политическую свободу, политическое самоопределение. И когда индивид получит всю полноту судебной власти, тогда воровство и мошенничество станут невозможны. Судебные ассоциации индивидов подавят всё.

* * *

ж) Разница между ограничением воли человека природою и волею большинства.

«Политическая анархия не дает свободы, а потому она невозможна», — приходится иногда слышать от некоторых оппонентов.

Доказательства просты. «Может ли человек при анархии летать по воздуху?» — Нет. «Может ли человек завести фабрику для изготовления спирта, если никто другой не хочет пить вина,

кроме него?» — Нет. «Нет? Ну, значит, в анархии нет свободы». Рассмотрим эту логическую цепь мыслей.

В этом рассуждении смешивается общественная свобода с гнетом природы. Под свободой мы должны разуметь, как уже мы неоднократно говорили, право делать всё, что не вредит другим. Стеснением свободы мы называем такое действие человека, которое запрещает нам осуществлять нашу волю в пределах «не вреди». Помня это, обратим наше внимание на примеры.

Запрещает ли вам индивид летать по воздуху? — Нет. — Кто же вам запрещает? — Природа. — Мешает ли вам строить винный завод индивид или ваша собственная ограниченность сил? — Ограниченность сил. Ну, значит, вы свободны, ибо индивиды не стесняют вашей деятельности. Вашу деятельность стесняет природа, вы сами но не наш строй. Мы хотим освободить вас от общественного гнета, а не от природного. Уничтожить гнет природы никто не в силах.

На смешении гнета природы и гнета общества и основаны обвинения анархизма в деспотии меньшинства. Когда большинство не может обойтись без меньшинства для осуществления своих целей, виновато не меньшинство, а ограниченность сил самого большинства. Меньшинство дает полную свободу большинству делать то, что оно хочет.

* * *

ГЛАВА XI. Утопия ли анархизм?

Анархистам часто бросают этот упрек. Позволим себе остановиться на нем лишь в кратких словах, так как всего сказанного ранее достаточно для опровержения этого вздора.

Вы говорите, что анархия — утопия. Но покажется ли она вам утопией, когда вас насильно забреют в солдаты, погонят на поля смерти, а анархия с веткой мира в руке освободит вас? Но покажется ли она вам утопией, когда ваших детей запрут в государственные клоаки для вымуштрования, а анархия с свободой на устах позволит им обучаться по-своему? Но покажется ли она вам утопией, когда сборщик податей сдерет с вас последнюю шкуру, а анархия с суровым лицом прогонит его от ваших дверей? Покажется ли вам тогда анархия утопией...

Нет... Она тогда зажжет в вашей груди пламя любви к себе и жгучую ненависть к насильникам — и вы станете анархистом.

Да, дорогой читатель! Великая заслуга анархии состоит в том, что она гармонирует с человеческими интересами... Ее не надо искусственно прививать, как, напр., любовь к ближним... В ней нет духа самоотречения — и в этом ее величие и сила.

* * *

Отдел IV. Дарвинизм, коммунизм и анархизм

ГЛАВА III. Гимн анархии

Макай: «Осуществление всех этих проектов будущего означает, в сущности, одну только перемену господства: сегодня слабый подавляется сильным, завтра, наоборот, сильный будет угнетаться слабым. Анархисты желают уничтожения всякого господства».

Другую картину представляет анархизм. Анархизму удалось справиться с той задачей, которая оказалась не под силу коммунизму.

Мы разрубили гордиев узел, связывающий свободу с известной формой собственности, введя **обассоциированное производство**.

Ассоциационное производство — мать всех свобод. Благодаря ассоциационному производству, анархизм дает индивидам полную экономическую свободу. Индивид, вступая в те или другая ассоциации, располагая своим трудом, может удовлетворить свои потребности, какие хочет... Отсюда полная свобода в удовлетворении желаний... Ничьи вкусы не будут подавлены. Благодаря ассоциационному производству анархизм уничтожает эксплуатацию — и каждый получает то, что он отнял у природы. Благодаря ассоциационному производству, анархизм дает громадные экономические выгоды индивидам. Обассоциирование требует крупного производства. Благодаря ассоциационному производству, создается бодрый, сильный дух, будящий инициативу и творчество. Благодаря ассоциационному производству, пропадают чиновники, иерархии — и рабочий, свободно дыша, превращается в товарища. Фабрика делается аренной удовольствием. Благодаря ассоциационному производству, из сфер обращения улетучиваются разные паразиты: торговцы и прочие пауки.

Благодаря ассоциационному производству, анархизм в политической сфере дает полную свободу индивиду: **свободу мысли и свободу действия**, превращая ассоциационера из подданного

в равноправного. Благодаря ассоциационному производству, в нравственной сфере из индивида вырабатывается гордый, независимый, непокорный человек.

Благодаря ассоциационному производству, индивид впервые получает возможность любить и быть любимым, а не быть объектом спаривания в руках чиновников. Благодаря ассоциационному производству, индивид легко гарантирует себе защиту от разных несчастий, прогнав к чёрту разных благотворителей и милосердных. Благодаря ассоциационному производству, человечество впервые получит возможность пойти по пути совершенствования, осуществляя подбор наилучших.

Анархия — это независимость, страстное стремление к свободе.

Анархия — это уничтожение власти и чиновничества, произвола и насилия.

Анархия — это товарищество, индивидуальность и самостоятельность.

Анархия — это очаг невинности и семейного счастья.

Анархия — это гордость, непреклонность и независимость.

Анархия — это воплощение человека, радость жизни, свобода мысли, торжество личности.

Анархия — это гармоническое развитие человека.

Анархия — это жизнь и движение.

Анархия — это жизнь труда, отрицание барства и лени.

